

Самарская гуманитарная академия

С. А. ЛИШАЕВ

СТАРОЕ И ВЕТХОЕ

Опыт философского истолкования

Санкт-Петербург
АЛЕТЕЙЯ
2010

УДК 111
ББК 87.815
Л67

*Рекомендовано к печати Редакционно-издательским советом
Самарской гуманитарной академии*

Рецензенты:

К. С. Пигров, доктор философских наук
(Санкт-Петербургский государственный университет),

А. К. Секацкий, кандидат философских наук
(Санкт-Петербургский государственный университет)

Лишаев С. А.

Л67 Старое и ветхое: Опыт философского истолкования / С. А. Лишаев. — СПб. : Алетейя, 2010. — 208 с. — (Серия «Тела мысли»).
ISBN 978-5-91419-333-8

В книге дается описание и истолкование влечения к старому и ветхому. Восприятие ветхого толкуется как опыт чувственной данности особенно-го, Другого. Эстетика старого и ветхого конкретизируется на материале старой фотографии. Старость исследуется не только как эстетический феномен, но и как особый возрастной этос. Отталкиваясь от характерной для нашего времени геронтофобии, автор выявляет метафизический смысл старости и старческого этоса, намечает его экзистенциальную типологию. Феномен геронтофобии рассматривается как следствие неспособности «горизонтального человека» справиться с сознанием конечности собственного присутствия.

Книга адресована как специалистам в предметных областях эстетики, онтологии, философской антропологии, этики, психологии, так и всем интересующимся современной философией.

**УДК 111
ББК 87.815**

ISBN 978-5-91419-333-8

9 785914 193338

© С. А. Лишаев, 2010
© Самарская гуманитарная академия, 2010
© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2010
© «Алетейя. Историческая книга», 2010

Окликнутость Другим (Предисловие)

Мир становится все более прозрачным. Режим экрана снимает различие между тайным и явным, между Временем и временами, между вещью и образом, между сущим и Другим. Расположившись на поверхности, мы утрачиваем восприимчивость к тому, что «за». Понижение метафизической чувствительности — характерная черта современности. «Общество обезболенных» — это в то же время и общество, пораженное «скорбным бесчувствием». Душу движет Другое. Когда разница онтологических потенциалов падает, а все различия становятся условными, проницаемыми, душа теряет подвижность. Вынесенные на поверхность, мы, словно выброшенная на берег рыба, с жадностью хватаем воздух и... задыхаемся, слабеем, впадаем в забытие: невнятное бормотание медиа-шаманов, мелькание фигур на экране, бегущая строка рекламы, бесконечно повторяющийся вызов с мобильного...

Скорость трансформации окружающей человека жизненной среды невероятно возросла. Человек уже не столько приспосабливает к себе, к своим целям и потребностям природу, как это было в прошлом, сколько вынужден сам приспосабливаться к сложившейся и все время меняющейся техно-среде (к техно-фюсису), подгоняя свое тело и душу под ее запросы. Убыстряющийся бег в беличьем колесе постиндустриальной цивилизации воспринимается как условие сохранения равновесия: для того, кто внутри колеса, резкая остановка влечет за собой падение. У того, кто бежит ради того, чтобы сохранить равновесие, не остается ни времени, ни пространства для молчаливого созерцания. Способность

к созерцанию вытесняется машинерией зрелищ. Смотреть шоу — совсем не то же самое, что созерцать. Созерцание предполагает «родственное внимание» к миру (М. М. Пришвин), сосредоточенность и свободу от озабоченности, закрывающей от нас мир и мешающей нам видеть вещи, которые не входят в круг, очерченный заботой¹. Но как возможно «родственное внимание» к миру? Чтобы встреча с Другим могла состояться, надо дать существу «вольную», позволить вещам *быть самими собой*. Заняв созерцательную позицию, обратившись к вещам не ради пользы, а ради них самих, мы оказываемся в том расположении духа, когда событие встречи с вещами, с Другим и с самими собой становится возможным, вероятным.

Важна встреча с вещью. Но еще важнее, когда встреченной вещью нас окликает Другое (вещь как вестник Другого, Иного). Местом-для-Другого могут стать самые разные вещи и при том — в разных временных модусах своего присутствия. Особые возможности для таких встреч открывают ветхие вещи. Для меня созерцание старого и ветхого — это эстетически и онтологически утверждающее событие. В современном обществе ветхие вещи вызывают двойственную

¹ Кризис созерцания — явление совсем не новое. В XX веке о нем не говорил только ленивый. Я ограничусь ссылкой на Н. А. Бердяева, певца творческого преображения сущего, хорошо осознававшего те потери, которые несет с собой утрата способности к созерцанию. «Современная цивилизация отрицает созерцание и грозит совершенно вытеснить его из жизни, сделать невозможным. Это будет значить, что человек перестанет молиться, что у него не будет больше никакого отношения к Богу, что он не будет больше видеть красоты и бескорыстно познавать истину. <...> Удушение созерцания есть удушение огромной части культуры, с которой связана ее вершина и цветение, — мистики, метафизики, эстетики. <...> Будущее человека, будущее культуры зависит от того, захочет ли человек хоть на мгновение освободиться, одуматься, осмыслить свою жизнь, обратить свой взор к небу» (*Бердяев Н. А. Духовное состояние современного мира* // Бердяев Н. А. Философия творчества, культуры и искусства. В 2-х т. Т. 1. М: Искусство, 1994. С. 495-496).

реакцию: кого-то они влекут к себе, кого-то, скорее, отталкивают, а кого-то и влекут, и отталкивают одновременно. Люди не любят старое, но тянутся к старинному; они поклоняются древним памятникам как «святыням культуры» и... ревностно служат богам новизны, оригинальности, вечного становления, отталкиваясь от всего, что кажется им старым, обветшалым. О чем говорит противоречивость реакций на старое и ветхое? О том, что здесь мы имеем дело с одной из болевых точек нашей жизни.

Если отношение современника к старым вещам двойственно, то его отношение к старости и старикам отличается большей определенностью: оно исполнено страха (у тех, кто еще молод) и стыда (у тех, кто уже начал стареть). Человек общества потребления хочет прожить как можно дольше и при этом — оставаться молодыми и цветущими («умереть молодым»). Геронтофобские настроения компенсируют политкорректными реверансами в адрес «представителей старшего поколения» и «социальной работой»². От старости бегут, но старость все равно наступает.

Сказанного вполне достаточно, чтобы указать на то, что делает рассмотрение феноменов старого и ветхого своевременным с точки зрения положения, сложившегося в нашем (европейском и российском) обществе. Осталось лишь добавить несколько слов относительно авторской мотивации обращения к этому сюжету. Пытаясь понять, что питает мое внимание к старому и ветхому, я нахожу как минимум два его источника. Первый — положительный: влечение к ветхому скрывает в себе какую-то тайну и побуждает меня к работе

² На использование слов «старик» и «старуха» в нашем обществе давно наложено табу. Не следует напоминать старику о том, что он старик (как не стоит напоминать женщине, что она — женщина, чернокожему, что он — чернокожий и т.д.). О чем свидетельствуют табуирование целых слоев обиходной лексики? Только о том, что современная цивилизация стремится к вытеснению всего, что пока еще оказывает сопротивление разборке и последующему переконструированию.

понимания. Второй — отрицательный: интерес к ветхому питается отталкиванием от мира тотальной симуляции и интересом к тому, что ускользает из сетей симулятивных практик. Долговременное внимание к феноменам старого и ветхого привело к появлению нескольких работ, в которых я пытался прояснить для себя мой опыт восприятия и переживания ветхого и старого. Эти разновременные и с логической точки зрения разрозненные медитации над старым и ветхим собраны теперь под одной обложкой. О том, что из этого получилось — судить читателю³.

* * *

Несколько слов о порядке рассмотрения старого и ветхого на страницах этой книги. Первая и вторая ее части посвящены описанию и истолкованию старого и ветхого как особых эстетических расположений. В третьей внимание сосредоточено на анализе старости как особого возрастного этоса. Остановимся чуть подробнее на содержании каждого из разделов.

В первой части книги читатель найдет ветвящийся анализ влечения к ветхому и рассмотрение того, что делает переживание ветхого особенным, метафизическим переживани-

³ Отдельные части этой книги публиковались в следующих изданиях: часть первая — в виде монографии «Влечение к ветхому (Опыт философского истолкования)» в издательстве Самарской гуманитарной академии (Самара, 1999) и статьи «Феномен ветхого (опыт экзистенциального анализа)» в журнале Вопросы философии, 2001, № 9; первое эссе из второй части («Старое, старинное, новое») в ежегоднике «Mixtura verborum'2004: пространство симпозиона» в издательстве Самарской гуманитарной академии (Самара, 2004), второе эссе («Старая фотография») в ежегоднике «Mixtura verborum'2007: сила простых вещей», первое эссе из третьей части книги («Старость и современность») в Вестнике Самарской гуманитарной академии. Серия «Философия. Филология», 2007, № 1, второе эссе («Горизонты старости: типология и экзистенциальное содержание») в ежегоднике «Mixtura verborum'2006: топология современности (Самара, 2007). При подготовке книги все тексты были заново отредактированы и доработаны.

ем. Феномен ветхого осмысляется как феномен чувственной данности Другого (Времени); при этом особое внимание уделяется проведению различия между влечением к ветхому и удовольствием от созерцания старого.

Во второй части читатель познакомится с дескрипцией опыта созерцания старой фотографии. Речь пойдет об игре присутствия/отсутствия, которая, собственно, и делает опыт созерцания старых фотографий таким интересным и значительным с экзистенциальной точки зрения. Кроме того, здесь исследуется отличие восприятия, переживания и понимания старого от восприятия и понимания старинного и нового.

В третьей части работы в центре внимания оказываются те изменения в нашем поведении, которые определяет старение. Здесь старость рассматривается как особый возрастной этос. Отталкиваясь от феномена геронтофобии, я пытаюсь прояснить метафизический смысл старости и старческого этоса и артикулировать его экзистенциальную типологию. Меня интересует то, на каких путях человек претворяет свою старость в линию поведения, в образ жизни, в способ присутствия в мире. Старость исследуется уже не в пространстве онтологической эстетики, а в пространстве «философии возраста», то есть не как эстетическое расположение, а как особый модус присутствия.

Июнь 2009 г.